

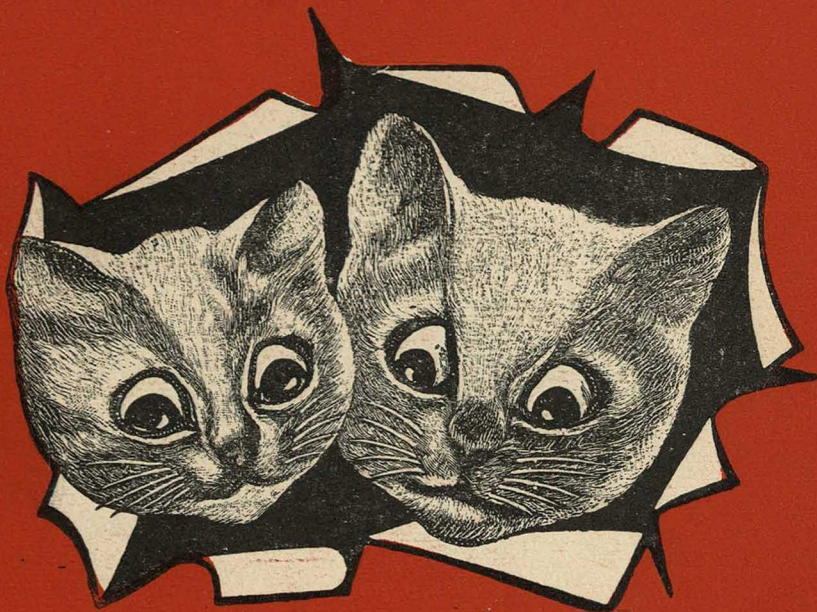
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

одъ изданія шестой.

ЯНВАРЬ.

№ 5.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

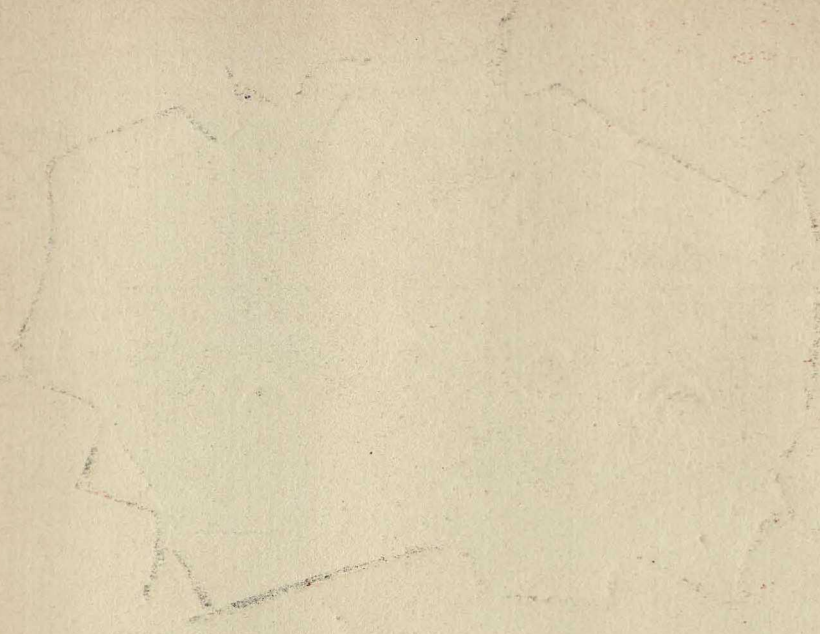
ЗИМНІЕ МОТИВЫ (стих.).
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ЗИМОЙ ВЪ ЛѢСУ (стих.).
ЗАПИСКИ СЛОНА.
ТРИ ПАРЫ И ОДИНЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Колесница—для склеиванія.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

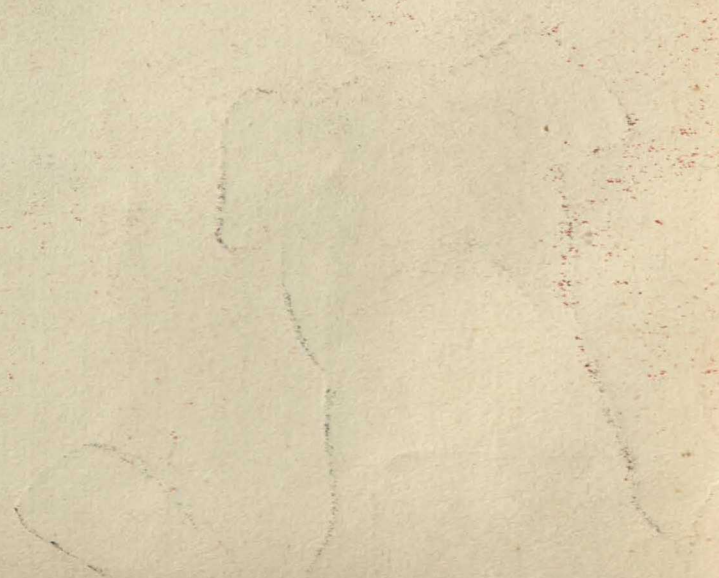

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARY

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

И спугъ.

ЗИМНИЕ МОТИВЫ.

I. Вьюга.

На поле брошенъ саванъ бѣлый
И лѣсъ уснулъ волшебнымъ сномъ,
Молчитъ потокъ облещенъ лый
И вьюга злится подь окномъ.
Она гудитъ такъ грустно-грустно...
Но, совершая свой дозоръ,
Старикъ-Морозъ плететь искусно
На стеклахъ вычурный узоръ...

II. Ночь.

Морозитъ... Ясенъ небосводъ,
Луна встаетъ и смотритъ зорко,
И звѣздъ блестящій хороводъ
Плыветъ высоко... Лѣсъ и Горка
Сіянемъ луннымъ залиты.
Вездѣ алмазы заблестѣли,
И хлопья снѣга, какъ цвѣты,
Вдругъ расцвѣли на вѣткахъ ели.

Е. Н.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Прошли два года. Костя уже учился и каждый день совершалъ свои прогулки изъ домика съ голубыми воротами въ гимназію и обратно. Никакая погода не могла удержать его дома. Въ дождь, въ слякоть, въ вѣтеръ онъ бодро шель своей дорогой, съ ранцемъ за плечами, и весело смотрѣлъ впередъ. Его провожала своими благословеніями бабушка Наталья Кирилловна, Дуняша совала ему въ карманы завтракъ, и обѣ онѣ съ нетерпѣніемъ поджидали его возвращенія. Проводивъ его точно въ дальнюю дорогу, онѣ цѣлый день затѣмъ мечтали, какъ онъ, усталый, придетъ домой, какъ онѣ

станутъ его кормить и разспрашивать его объ учителяхъ и объ урокахъ и какъ будутъ ужасаться, когда онъ имъ расскажетъ, что у нихъ въ классѣ была драка и что кто-нибудь далъ ему тумака въ спину. Съ какою заботливостью, укладывая его потомъ спать, бабушка, точно невзначай, ощупывала у него всѣ ребра и провѣряла, всѣ-ли они цѣлы. Вся жизнь бабушки была теперь полна. Утромъ она просыпалась и знала, для чего: весь день ея мысли были заняты Костей, а вечеромъ она ложилась спать съ сознаниемъ, что день ея былъ не потерянъ и цѣликомъ былъ посвященъ ея любимцу. Все въ

домикъ ожило и преобразилось. Теперь уже бабушка мыслила мыслями Кости и все, что онъ ни дѣлалъ, казалось ей естественнымъ и необходимымъ, и ей было пріятно глядѣть, какъ Дуняша выметала изъ его комнаты цѣлыя горы стружекъ, и слушать, какъ, вбивая во что-нибудь гвозди, онъ по цѣлымъ часамъ стучалъ обо что-нибудь молоткомъ. Кресла и стулья, которые уже тридцать лѣтъ стояли все на одномъ и томъ-же мѣстѣ безсмѣнно, теперь выстраивались врядъ и изображали собою поѣздъ желѣзной дороги, диванъ изъ краснаго дерева, на которомъ никто не сидѣлъ ни разу уже цѣлые восемнадцать лѣтъ, теперь изображалъ изъ себя пароходъ и, тяжело скрипя, покачивался съ боку на бокъ. Наталья Кирилловна и Дуняша радостно смотрѣли на шумныя затѣи Кости и грезили о томъ туманномъ будущемъ, когда онъ кончитъ курсъ и будетъ докторомъ или инженеромъ, или надѣнетъ генеральскій мундиръ съ лентой черезъ плечо и поѣдетъ въ соборъ на молебень, а онъ, уже старенькія-старенькія старушки, будутъ глядѣть на него издалека и тихо повторять: — „Это нашъ! Это нашъ Костя, котораго мы такъ любили!“

А будущій генераль иногда громко бредилъ во снѣ. Часто, съ необыкновенной ясностью, ему представлялась картина испытан-

наго имъ кораблекрушенія, онъ падалъ въ холодную воду, плылъ съ корзинкой въ рукахъ и затѣмъ долго бродилъ по глухому нѣмецкому городку, весь обледенѣвшій и дрожа отъ рѣзкаго, пронизывающаго вѣтра. Въ такія минуты бабушка входила къ нему въ комнату и, увидѣвъ, что съ него сползло на полъ одѣяло и что онъ, весь скорчившись калачикомъ, лежитъ голенкѣй у себя на постелькѣ, она заботливо укрывала его и подсовывала подъ него одѣяло со всѣхъ сторонъ, чтобы ему было теплѣе. Часто онъ видѣлъ во снѣ и Назаровну, которую встрѣтилъ когда-то на пристани. Онъ видѣлъ ее передъ собою, какъ живую, и вдругъ начиналъ ей во все горло кричать:—

— Здравствуй! Здравствуй!

Вбѣгала Дуняша и, видя, какъ онъ безмятежно спалъ и кого-то привѣтствовалъ во снѣ, кланялась ему и тихо отвѣчала:

— Здравствуй, батюшка, здравствуй! Спи на здоровье! Господь тебя благослови!

А на далекой чужбинѣ Назаровна тоже часто видѣла его во снѣ, онъ снился ей, какъ живой, и ей казалось, что она сразу узнала-бы его въ толпѣ. Минуты свиданія на пристани, сразу-же и навѣки, точно на фотографической пластинкѣ, запечатлѣлись у нея въ мозгу и ей было пріятно думать о русскомъ мальчикѣ, кото-

раго она не знала, но съ которыми такъ неожиданно столкнула ее судьба.

Эти два года прошли для нея въ тяжеломъ трудѣ. Она попережнему оставалась въ семьѣ Франца Фридлера и у нея не хватало силъ разстаться съ Кетти и уѣхать въ Россію. Цѣлые дни и ночи она проводила съ дѣвочкой, разговаривала съ ней по русски и, слыша и отъ нея русскую рѣчь, приходила въ умиленіе и чувствовала себя хотя немножко дома. Теперь уже и сама Назаровна научилась кое-что понимать по-нѣмецки. Фрау-Луиза привязалась къ ней и, не смотря на различіе ихъ націй, онѣ сдружились и цѣнили другъ въ дружкѣ хорошихъ людей Францъ Фридлеръ съ утра и до вечера былъ занятъ на службѣ, поздно возвращался домой и когда входилъ къ себѣ въ домикъ и ему навстрѣчу неслись запахи русскихъ щей и гречневой каши, которые Назаровна научила дѣлать Фрау-Луизу и которые такъ приятно щекотали Францу Фидлеру обоняніе, то онъ, довольный, садился за столъ, многозначительно поднималъ палецъ кверху и говорилъ:

— О, эта русская женщина— настоящая русская женщина! Ее надо имѣть въ виду.

Назаровна была въ его семьѣ своимъ человѣкомъ: она ухаживала за дѣтьми, стирала бѣлье, варила и пекла и исполняла тысячи мель-

чайшихъ обязанностей, которыя такъ незамѣтны для посторонняго взгляда и такъ неизбѣжны въ каждой небогатой семьѣ. Фрау-Луиза тоже трудилась, не покладая рукъ. Она не отличалась хорошимъ здоровьемъ, кашляла и все время говорила о своей сестрѣ, которая была выдана замужъ въ Швейцарію и постоянно жила въ прекрасномъ климатѣ, гдѣ нѣтъ тумановъ и рѣзкаго, пронзительнаго вѣтра.

— Вотъ-бы поѣхать въ Швейцарію, погостить у сестры! часто мечтала она вслухъ.—Воображаю, какъ тамъ хорошо было-бы для нашихъ дѣтей.

— Погоди, погоди, фрау, ободрялъ ее Францъ Фидлеръ. — Вотъ немного поработаемъ еще, станемъ попрочнѣе, тогда и поѣдемъ въ Швейцарію всей семьей! Тамъ, говорятъ, очень хорошіе пиво и сыр!..

Но его мечтамъ такъ и не суждено было осуществиться. Какъ-то вечеромъ маленькій Фрицъ прибѣжалъ домой и ни съ того, ни съ сего вырвалъ. Ночью съ нимъ сдѣлался жаръ. Къ утру выяснилось, что у него была скарлатина. Пока, думали, что это—простое расстройство желудка и что скоро пройдетъ, слегла въ скарлатинѣ и его сестра. Дѣвочку и мальчика отвезли въ больницу, но они оттуда уже не возвратились. Они умерли въ какіе-нибудь десять

дней, не приходя въ сознание. Это опечалило ихъ мать и отца, въ домикѣ сразу какъ-то опустѣло, точно Фрицъ и Эмма занимали его весь, и Францъ Фидлеръ не возвращался домой уже такимъ веселымъ, какъ прежде, и не поднималъ многозначительно пальца вверхъ. Фрау-Луиза надѣла черное платье и часто стала надолго уходить изъ дома. По ея заплаканнымъ глазамъ Назаровна догадывалась, что она была на кладбищѣ и плакала о дѣтяхъ. А затѣмъ случилось новое несчастье, которое еще меньше ожидали, чѣмъ смерти дѣтей.

Въ одинъ бурный, пасмурный вечеръ, когда море ревѣло и цѣлымъ дождемъ брызгъ обливало набережную, Францъ Фидлеръ стоялъ на берегу и наблюдалъ за грузчиками. Одинъ изъ грузчиковъ съ большимъ ящикомъ на спинѣ взошелъ на мостокъ, переброшенный съ берега на баржу, и потерялъ равновѣсіе. Чтобы его поддержать, Францъ Фидлеръ бросился къ нему, но мостки изогнулись подъ тяжестью груза и двухъ человекъ и провалились. Францъ Фидлеръ упалъ въ воду. Грузчикъ свалился вслѣдъ за нимъ, вырвали изъ рукъ грузъ и огромный ящикъ всею своей тяжестью ударилъ бѣднаго Фидлера по спинѣ и по головѣ. Когда его вытащили, то онъ былъ уже мертвъ. Фрау-Луиза осталась вдовой.

— Жаль, жаль, бѣднягу, вздохнули по немъ товарищи и сослуживцы.— Хорошій былъ человекъ!

И, положивъ его на носилки, они понесли его къ нему домой.

Былъ вечеръ, дулъ рѣзкій вѣтеръ и гналъ вдоль улицъ цѣлыя тучи пыли. Деревья пригибались къ землѣ и слышно было, какъ у пристани шумѣло море. Фрау-Луиза сидѣла у стола и шила, а Назаровна накрывала для хозяина на столъ. Въ воздухѣ и на этотъ разъ пахло русскими щами и гречневой кашей. Въ уголку сидѣли Катя и Маргарита и играли. Онѣ о чемъ-то спорили, что-то старались доказать другъ другу и говорили то по-нѣмецки, то по-русски, и было странно слушать ихъ нѣмецко-русскую рѣчь.

— Если ты не отдашь мнѣ эту хундъ (собаку), говорила Маргарита, то я пожалуюсь на тебя моему фатеру (отцу).

— А тогда я буду брать у тебя дейне пупе (твою куклу), отвѣчала Кетти.

И вдругъ кто-то постучался въ дверь. Назаровна вышла отворить, да такъ и окаменѣла. У крылечка стояли носилки, на нихъ лежалъ ея хозяинъ, а вокругъ столпились принесшіе его люди и посторонніе.

— Несчастіе, хозяйка! крикнулъ одинъ изъ рабочихъ.— Ко всему надо быть готовымъ!

Въ первую минуту Назаровна

не поняла, въ чемъ дѣло, но потомъ сообразила и залилась горячими слезами. Но плакать было некогда, необходимо было приниматься за дѣло, и скоро обѣ женщины укладывали покойника на столъ и плакали въ три ручья. Выплакавъ все свое горе и переживъ всю первую остроту его, онѣ немного успокоились и цѣлую ночь просидѣли и не сказали ни слова.

— „Будь, что будеть!“ думала Назаровна.— „На все воля Господня!“

И какъ ни была она необразованна и проста, въ эту ночь прошла передъ ея умственными очами вся ея жизнь, со всѣми ея приключеніями, и ей стало казаться, что это было необходимо, если не для нея, то для другихъ, что все это нарочно устроилъ самъ Господь для того, чтобы выполнить свои предначертанія, въ домья только Ему одному. И, полная покорности судьбѣ, она сидѣла у стѣны, подперевъ подбородокъ кулачкомъ, прислушивалась ко вздохамъ спавшихъ сиротъ, и тихо повторяла:

— „Такъ Богу угодно... На все Его святая воля!“

На третій день Франца-Фидлера опустили въ могилу и въ домѣ еще больше опустѣло, чѣмъ когда-то, когда похоронили дѣтей. Фрау-Луиза задумалась и почти совсѣмъ перестала говорить. Дѣти разгова-

ривали только съ Назаровной и только по русски и, какъ и всякія дѣти, дѣлали необыкновенные успѣхи въ языкѣ. Катѣ пошелъ уже четвертый годъ, Маргаритѣ только недавно исполнилось три, но никто не сказалъ-бы, что это были нѣмки, выросшія въ нѣмецкомъ городкѣ, гдѣ не было ни одного челоуѣка изъ русскихъ, кромѣ Назаровны. Сама того не замѣчая, она сыграла для нихъ роль бонны, научившей ихъ незамѣтно чужому языку, и обѣ дѣвочки болтали теперь по русски, какъ сороки, а Фрау-Луиза, казалось, не слушала ихъ и все по-прежнему молчала.

Затѣмъ она написала къ кому-то письмо и долго и мучительно ждала на него отвѣта. А когда пришелъ отвѣтъ, то она засуматошилась, засбиралась куда-то и стала быстро-быстро обшивать на машинкѣ дѣтей. Это удивляло Назаровну, но она не задавала фрау-Луизѣ вопросовъ и все терпѣливо ждала, когда та сообщитъ ей о своихъ намѣреніяхъ сама. И фрау-Луиза незамедлила это сдѣлать. Когда все было готово, она подошла къ Назаровнѣ, крѣпко обняла ее и поцѣловала ее въ обѣ морщинистыя щеки. Затѣмъ она стала плакать. Выплакавшись, она посадила старушку рядомъ съ собой и стала ей говорить:

— Фрау-Назаровъ, всхлипывала она.— Я теперь одна на свѣтѣ, я

теперь—вдова... Сестра зоветъ меня къ себѣ въ Швейцарію вмѣстѣ съ дѣтьми и я нахожу, что это будетъ для меня лучше, чѣмъ оставаться здѣсь. Фрау-Назаровъ, вы добрая женщина и я люблю васъ, какъ родную тетю... Но я не могу взять васъ съ собою въ Швейцарію! Поѣзжайте къ себѣ въ Россію, а я поѣду съ дѣтьми одна!..

И, пошаривъ у себя въ комодѣ, она достала оттуда денегъ и протянула ихъ къ Назаровнѣ.

— Поѣзжайте въ Россію, фрау-Назаровъ! снова обратилась къ ней фрау-Луиза.—Я буду вамъ писать изъ Швейцаріи и кто знаетъ?—быть можетъ, мы встрѣтимся когда-нибудь опять!..

Она положила деньги на столъ и залилась слезами.

Большей части изъ того, что говорила ей нѣмка, Назаровна не поняла, но то, что та хотѣла ей сказать—она отлично поняла. Два противоположныхъ чувства овладѣли ея душой. Ей вдругъ безумно, неудержимо захотѣлось въ Россію и въ то-же время ее испугала разлука съ Кетти. Какъ она будетъ безъ нея? Что она будетъ дѣлать безъ этой дѣвочки, къ которой такъ привыкла и которую полюбила, какъ свою?

— Вы возвратитесь къ себѣ въ Россію, фрау-Назаровъ, продолжала фрау-Луиза, а я отправлюсь съ дѣтьми къ своей сестрѣ. Вотъ

вамъ деньги на дорогу! Вы—хорошая дама, фрау-Назаровъ, и мнѣ жаль расставаться съ вами, но что будешь дѣлать? Теперь я одна.

Пугливая, но дерзкая мысль мелькнула вдругъ въ головѣ у Назаровны. Что, если она выпроситъ у нѣмки маленькую Кетти себѣ? Что, если она увезетъ ее къ себѣ въ Россію и онѣ будутъ жить вдвоемъ? Но эта мысль только испугала ее. Всѣми силами своей души она отогнала ее отъ себя и въ который уже разъ, покорно подчинилась своей судьбѣ... Развѣ она можетъ обречь дѣвочку на нужду? Развѣ она смѣетъ оставить ее безъ образованія изъ одного только желанія имѣть ее въ Россіи при себѣ?

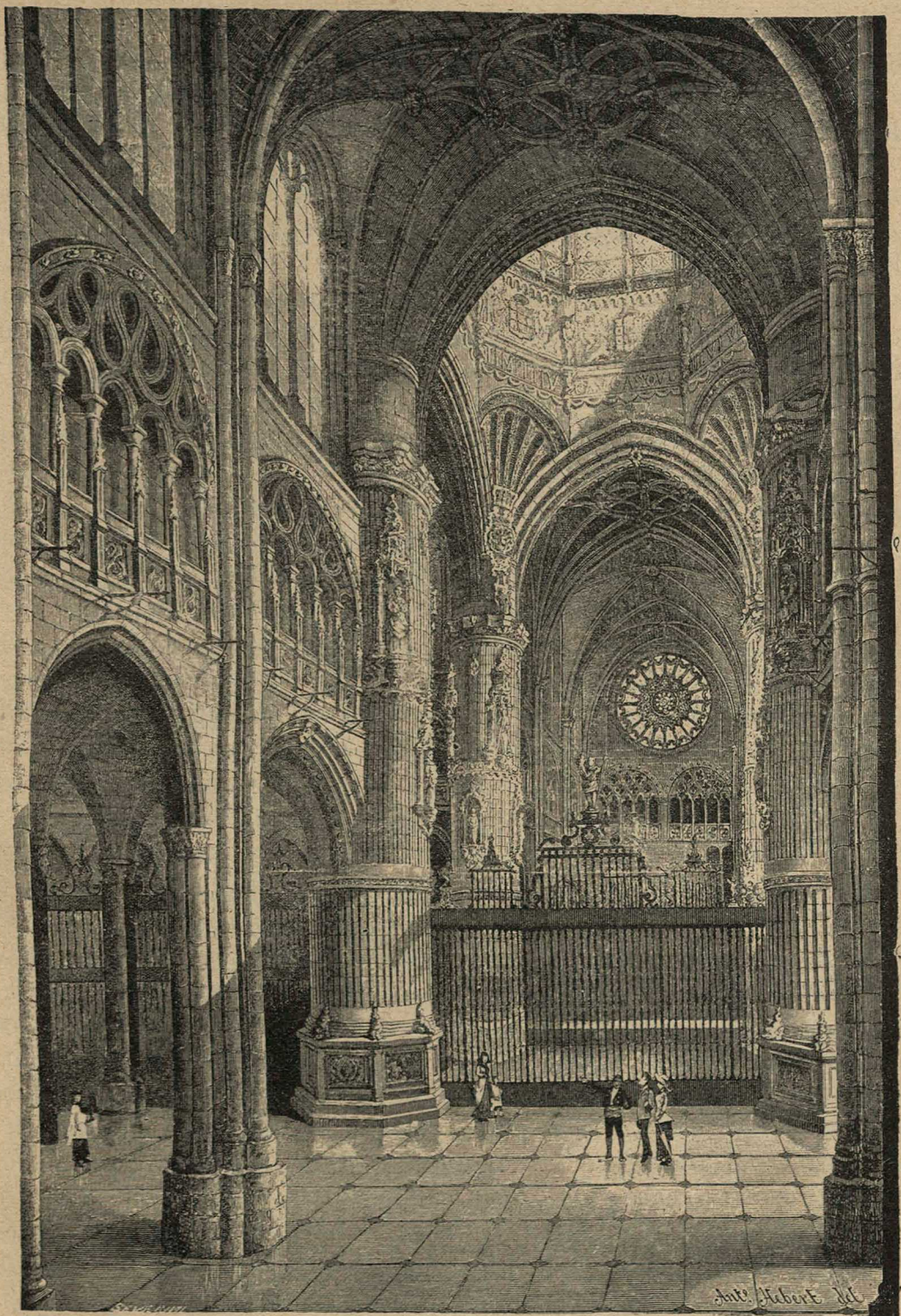
Начались сборы. Явились какія-то грязныя нѣмки, купили у фрау-Луизы весь ея хламъ и скарбъ и увезли съ собой. Избушку сняли другіе жильцы. Фрау-Луиза съѣздила на кладбище, поклонилась могилкамъ Фрица и Эммы и, взявъ съ собою Кетти и Маргариту, сѣла въ дилижанс. и уѣхала въ Швейцарію. И, какъ и три года тому назадъ, Назаровна опять осталась на чужбинѣ одна.

— Прощай, Катюша! кричала она своей воспитанницѣ вслѣдъ.—Прощай, ангелъ ты мой небесный! Увижу-ли съ тобою хоть еще разокъ!

Она выплакала уже всѣ свои слезы и теперь переходила изъ

КОТЯТКИ.

Католическій соборъ въ Бургосъ (въ Испаніи)

улицы въ улицу, точно сонная, и не понимала ничего. Какъ и въ первый разъ, мимо нея проходили люди, проѣзжали экипажи и никому не было до нея дѣла и никто не интересовался ея судьбой.

Вечеромъ отходилъ въ Кенигсбергъ пароходъ. Она взопла на него и, робкая, не смѣлая, не знала, гдѣ занять мѣсто и куда пристѣсть. Прикурнувъ около трубы, гдѣ было тепло, она закрыла глаза и съ трепетомъ стала ожидать того момента, когда пароходъ отчалитъ отъ берега и повезетъ ее въ Россію. Было темно, волны съ шумомъ плескались о борта парохода, вдаль мѣлкали огоньки города и гдѣ-то сбоку краснымъ огнемъ свѣтилъ маякъ. И несмотря на то, что Назаровна возвращалась теперь къ себѣ на родину, ее не веселило ничто и она чувствовала себя одинокой и не нужной никому на свѣтѣ. И ей стало вдругъ такъ жутко-жутко, такъ непоправимо - одиноко, что она еще глубже забилась въ уголокъ и уткнула голову въ узелъ.

— „Да будетъ воля Твоя!.. шептала она.— Да будетъ воля Твоя!..

Часъ спустя, пароходъ отвалилъ отъ пристани и закачался по волнамъ. Назаровна долго не могла уснуть, долго еще привыкала къ качкѣ, къ ударамъ волнъ о борта и къ дурнотѣ, и только подъ утро забылась легкимъ, чуткимъ сномъ. Ее разбудилъ гудокъ парохода.

Она быстро вскочила, протерла глаза и уже не увидала ни маяка, ни огней, ни темноты. Передъ нею тянулась красноватая полоса какого-то чужого берега и на ней видѣлся небольшой, чистенькій городокъ. Высокія колокольни поднимались кверху, слышался звонъ и раздавались свистки локомотива, бѣгавшаго взадъ и впередъ по пристани.

— Вамъ здѣсь вылѣзать, фрау!.. обратился къ Назаровнѣ какой-то морякъ.— Если вы ѣдете въ Россію, то здѣсь вамъ нужно пересѣсть въ поѣздъ и ѣхать далѣе уже по желѣзной дорогѣ!

Она послушно собрала свои вещи, увязала узелки и, пожимаясь отъ утренней сырости, стала ожидать, когда пароходъ причалитъ къ берегу и остановится совсѣмъ.

А затѣмъ она поѣхала уже въ вагонѣ. Шестъ часовъ спустя, она переѣзжала уже черезъ границу, видѣла русскихъ людей, слышала русскій языкъ, не вѣрила своимъ ушамъ и ей казалось, что она спитъ и видитъ сладкій, очаровательный сонъ. И когда она вылѣзла наконецъ въ Вержоловъ изъ одного поѣзда, чтобы сѣсть въ другой и стала спрашивать то одного кондуктора, то другого, какъ ей ближе всего проѣхать до мѣста назначенія, и всѣ они отвѣчали ей по-русски, то она такъ обрадовалась, что стала громко плакать.

— Смотрите, братцы, дура-баба

реветь! сказалъ какой-то смазчикъ, проходя мимо нея.

Этотъ голосъ, эта насмѣшка показались ей сладчайшей музыкой, которой она такъ долго не слышала и которую такъ алчно жаждала ее душа.

— Реву, батюшка, реву!.. залепетала она въ отвѣтъ.—Такъ-бы все слушала тебя, миленькаго, и ревѣла-бы всю свою жизнь!

И передъ нею потянулась затѣмъ Россія, простая, милая, прекрасная своей простой, безыскусственной красотой. Лѣса, поля, полосы ржи и овса, болотца и холмы и могучія, спокойныя, величавыя рѣки потянулись передъ Назаровной, она не могла наглядѣться на нихъ и то и дѣло перебѣгала отъ окна къ окну въ вагонѣ и широкимъ крестомъ крестилась на виднѣвшіяся бѣленькія церкви. Какъ давно уже она не была въ церкви, не слыхала пѣвчихъ, не подавала на проскомидіи просфорку! Теперь-то она помолится всласть и поговѣеть!

И чѣмъ глубже она въѣзжала въ Россію, тѣмъ становилась все нетерпѣливѣе и ей казалось, что она молодѣетъ или видитъ одинъ изъ тѣхъ прекрасныхъ дѣтскихъ сновъ, которые не возвращаются уже больше никогда.

На другія сутки поѣздъ остановился на какой-то большой станціи и долго ждалъ встрѣчнаго поѣзда. Свѣтило солнце, было

ясное голубое небо, въ воздухѣ было свѣжо и въ кустахъ сирени и жимолости, роспихъ около вокзала весело щебетали воробьи. Назаровнѣ тоже было весело. Она смотрѣла, какъ люди бѣжали съ чайниками и съ пирожками, и ей и самой вдругъ сильно захотѣлось чаю. Какъ давно она его не пила! Вотъ уже третій годъ пошелъ, какъ она и утромъ и вечеромъ пила одинъ только кофе. Что, если она сойдетъ сейчасъ на платформу, возьметъ себѣ въ кофейничекъ горячей воды, купить въ буфетѣ чайку и сахарку и, возвратившись къ себѣ въ вагонъ, вспомнить старину и выпьетъ, какъ бывало, чашки три чаю, да такого горячаго, что едва можно держать во рту?

И, боясь, какъ-бы не опоздать и какъ-бы безъ нея не ушелъ, ея поѣздъ, она грузно выльзла изъ вагона и направилась къ буфету. Нѣсколько времени спустя, она уже торжественно возвращалась обратно съ завѣтнымъ чайникомъ въ рукахъ и готовилась уже перейти черезъ рельсы, чтобы попасть къ себѣ въ вагонъ, какъ вдругъ жандармъ удержалъ ее за плечо.

— Подожди немного, тетка! обратился онъ къ ней.—Сейчасъ курьерскій поѣздъ пройдетъ!

И дѣйствительно, минуты черезъ двѣ, мимо станціи прошелъ коротенькій, щегольской, но весь запыленный, курьерскій поѣздъ. Было

что-то радостное, задорное, но въ то-же время и опасное, въ его быстромъ безостановочномъ движеніи и хотѣлось броситься вслѣдъ за нимъ и мчаться безъ оглядки туда-же, куда и онъ, въ тѣ невѣдомые и, вѣроятно, прекрасные края, куда такъ торопился и онъ самъ.

И чтобы его пропустить, Назаровна отступила на нѣсколько шаговъ назадъ и прислонилась къ столбу. Но вдругъ она вскрикнула, выронила чайникъ и сахаръ и схватилась за сердце. Ноги чутъ не подкосились подъ ней, острая радость вдругъ пронизала ее всю и овладѣла всѣмъ ея существомъ. Не помня себя, она хотѣла-было подскочить къ курьерскому поѣзду, вцѣпиться въ него или-же бѣжать вслѣдъ за нимъ, но онъ промелькнулъ только, какъ мечта, и быстро исчезъ изъ глазъ. Далеко-далеко впереди виднѣлся отъ него одинъ только дымъ, да слышно было, какъ, миновавъ послѣдній семафоръ, онъ весело свистнулъ и помчался, сломя голову, въ дальнѣйшій путь.

— Барыня! Барыня! закричала Назаровна. — Матушка ты моя! Родимая! Стой! Остановись!

Но Евгенія Ѳедоровна промчалась мимо нея и даже не замѣтила ея, и не поняла, что Назаровна узнала ее и замахала ей рукой. Блѣдная, какъ и обыкновенно, но похудѣвшая и ставшая

болѣе печальной, она стояла у окна вагона и безучастно смотрѣла на мелькнувшій передъ ней вокзалъ. Мало-ли такихъ вокзаловъ осталось позади и сколько еще предстоитъ ихъ видѣть впереди! Станціи, люди, рѣки, лѣса и поля— все это развертывалось теперь передъ нею, какъ лента синематографа, но не занимало ея, такъ какъ все теперь потеряло для нея интересъ и только одна мысль о погибшей Катѣ не оставляла ее ни на минуту одну и сопровождала ее вездѣ.

— Барыня! Матушка барыня!... лепетала Назаровна.— Красавица ты моя! Значить, и тебя сохранилъ Господь?..

Она смотрѣла умиленными глазами въ ту сторону, гдѣ исчезъ курьерскій поѣздъ, и слезы радости катились у нея по щекамъ. Лужи горячей воды текли у нея отъ ногъ и кофейникъ изъ красной мѣди лежалъ около нея на боку. Пришла собака и громко скушала сахаръ.

— Эхъ, ты! обратился къ ней жандармъ. — Курьерскаго поѣзда испугалась! Ахъ, ты пошехонская простота! Ну, иди, иди! Садись скорѣе въ вагонъ! Сейчасъ будетъ второй звонокъ!

Назаровна поплелась къ себѣ въ поѣздъ, но уже ничего не слышала и не видѣла вокругъ себя. Она встрѣтила случайно Евгенію Ѳедоровну и этого было

достаточно, чтобы вся жизнь для нея приняла теперь другой оборотъ и чтобы все, что было пережито и выстрадано въ эти два съ половиной года, было позабыто и ушло куда-то безвозвратно и далеко-далеко.

— Слава тебѣ, Господи! шептала она, сидя въ вагонѣ и широко крестясь. — Слава тебѣ, Царь ты мой небесный за то, что Ты спасъ и ее! А я то за нее каждый день молилась за упокой!

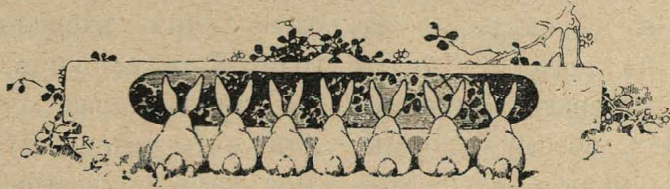
Двое сутокъ спустя, Назаровна была уже въ томъ городѣ, гдѣ когда-то служила у Евгеніи Ѳедоровны и гдѣ не доглядѣла узелка

съ бѣльемъ маленькой Кати, когда ѣхали на вокзалъ.

Съ трепетнымъ сердцемъ она отправилась къ дому Евгеніи Ѳедоровны, но тамъ ее встрѣтили уже чужіе люди, которые сказали ей, что вотъ уже два года, какъ Евгенія Ѳедоровна этотъ домъ продала и переѣхала на постоянное жительство въ Москву, что чуть не каждые два мѣсяца она ѣздитъ за границу и все ищетъ тамъ свою пропавшую дочь, и это еще больше убѣдило Назаровну, что въ курьерскомъ поѣздѣ тогда проѣхала мимо нея именно она.

М. Б — скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗИМОЙ ВЪ ЛѢСУ.

Бродить вѣтеръ по просѣкамъ,
Межъ стволами зашумить,
Тронетъ вѣтки, бѣлымъ снѣгомъ
Вдругъ деревья опушить.
Лѣсъ наполнить нѣжнымъ звономъ,
Тихо льдинки шевеля,
И умчится вдаль по склонамъ
Въ бѣлоснѣжныя поля.

Снѣгъ идетъ сухой и колкій.
Гдѣ-то вѣтеръ прошумѣлъ.
Подъ шатеръ зеленой елки
Юркнулъ заяцъ и присѣлъ.
На деревьяхъ межъ вѣтвями
Блещетъ зимняя краса,
Вьюга снѣжными мѣхами
Разукрасила лѣса.

Е. Селунская.

ЗАПИСКИ СЛОНА.

Я родился въ Индіи, въ тропическомъ лѣсу, гдѣ никогда не бываетъ зимы и гдѣ перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку красивые попугаи и повсюду прыгаютъ вѣчно-забавныя обезьяны. Когда я появился на свѣтъ, то моей матери было уже около ста лѣтъ, но она была еще совсѣмъ молодой слонихой. Мы вѣдь живемъ цѣлыя сотни лѣтъ и переживаемъ цѣлые народы. Мой отецъ говорилъ мнѣ, что онъ помнитъ, какъ въ Индіи еще не было многихъ городовъ, въ которыхъ теперь идетъ кипучая жизнь. Съ первой же минуты моего появленія на свѣтъ я уже твердо сталъ на ноги и бѣгалъ повсюду подъ матерью. Я говорю „подъ матерью“, потому что мы, слонята, пока малы, всегда бѣгаемъ подъ брюхомъ у нашихъ матерей и бываетъ такъ, что при неловкомъ движеніи онѣ иногда наступаютъ на насъ и причиняютъ намъ боль. Только годъ или два спустя, когда я уже подросъ настолько, что не помѣщался уже подъ матерью, она взяла меня хоботомъ за ухо и еще нѣсколько мѣсяцевъ водила меня передъ собою. Такъ дѣлаютъ у васъ няни, когда водятъ ребенка гулять; только онѣ берутъ ребенка за руку, а не за ухо, какъ это дѣлаютъ слонихи у насъ.

Цѣлый годъ я сосалъ материнское молоко, а затѣмъ перешелъ на траву и плоды. Я очень любилъ ихъ. Мы никогда не бродимъ стадами, а всегда живемъ только одною своею семьей: дѣдушка, бабушка, мать и отецъ, двое дядей и двѣ тетки, да я—вотъ и вся была наша семья. И всѣ они баловали меня, срывали и чистили для меня апельсины, кормили меня персиками и рвали для меня бананы. Я ѣлъ до отвала и росъ не по днямъ, а по часамъ. Часто мы приходили къ большому, свѣтлому озеру и начинали купаться. Взрослые слоны входили въ него съ головой и, высунувъ изъ-подъ воды одинъ только хоботъ, пускали изъ него въ воздухъ фонтаны. Моя мать обхватывала меня хоботомъ вокругъ тѣла и нѣсколько разъ подрядъ окунала меня въ воду. Я фыркалъ и смѣялся. После купанья мы обыкновенно отдыхали на берегу, вытянувъ заднія ноги назадъ. Иногда мы засыпали и храпѣли во снѣ. И всякій разъ мой дѣдушка не спалъ только одинъ и зорко оберегалъ нашъ покой. Если онъ замѣчалъ что-нибудь подозрительное, то онъ издавалъ черезъ хоботъ громкій трубный звукъ, мы вскакивали и со всѣхъ ногъ бросались бѣжать. Бѣжали мы безъ оглядки. Впереди

насъ всегда находился дѣдушка, за нимъ—бабушка и послѣ всѣхъ—моя мать и я. Мы всегда слѣдовали по старшинству. Пробѣжавъ нѣкоторое пространство и успокоившись, мы принимались за ѣду. Обыкновенно въ полдень насъ сильно беспокоили мухи, которыя садились намъ на хоботъ и вокругъ глазъ и больно кусались. Тогда кто-нибудь изъ насъ срывалъ хоботомъ вѣтку съ дерева и обмахивалъ ею то одного, то другого. Хоботъ и мѣсто вокругъ глазъ у насъ самые чувствительные и мы не любимъ, когда по нимъ даже проползетъ комаръ, во всѣхъ-же прочихъ мѣстахъ на насъ кожа настолько крѣпка и толста, что ее не прокусить даже змѣя. Хоботъ для насъ все: мы имъ ѣдимъ, пьемъ, нюхаемъ и осязаемъ. Имъ мы несемъ въ ротъ ѣду, вливаемъ въ горло воду, ломаемъ сучья. Черезъ него мы дышимъ. Когда въ послѣдствіи я попалъ къ людямъ, то я находилъ въ травѣ потерянную моей хозяйкой иголку, собиралъ хоботомъ упавшія на землю бусы и одинъ разъ даже подобралъ и сложилъ въ коробочку всѣ до одной пилюли, которыя принималъ мой хозяинъ и разсыпалъ на песокъ около своего шалаша. И все это я дѣлалъ, благодаря изумительному осязанію, которымъ отличается палецъ на нашемъ хоботѣ, и благодаря обонянію, которое никогда насъ не обманываетъ. Глаза

у насъ не особенно хороши. Они малы и не очень хорошо видятъ, за то ни одно животное не можетъ приблизиться къ намъ съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ: мы тотчасъ же услышимъ его по запаху. Такъ-же хорошъ у насъ и слухъ: даже самага ничтожнаго шороха иногда бываетъ съ насъ достаточно, чтобы мы примѣтили нашего врага.

Итакъ, до шести лѣтъ я все время находился при матери. Меня любили въ моей семьѣ и ласкали и я вспоминаю годы моего ранняго дѣтства съ удовольствіемъ. Затѣмъ случилось несчастіе. Однажды, когда мы проходили лѣсомъ, дѣдушка остановился, вытянулъ хоботъ впередъ и долго нюхалъ воздухъ.

— Я чую человѣка, сказалъ онъ.—Надо быть осторожнымъ!

И дѣйствительно, ночью мы видѣли на горизонтѣ огонекъ отъ костра и раза два или три слышали, какъ вдалекѣ перекликались люди и какъ слышался затѣмъ въ лѣсу стукъ заступа о землю и звонъ топора. Валились съ трескомъ деревья.

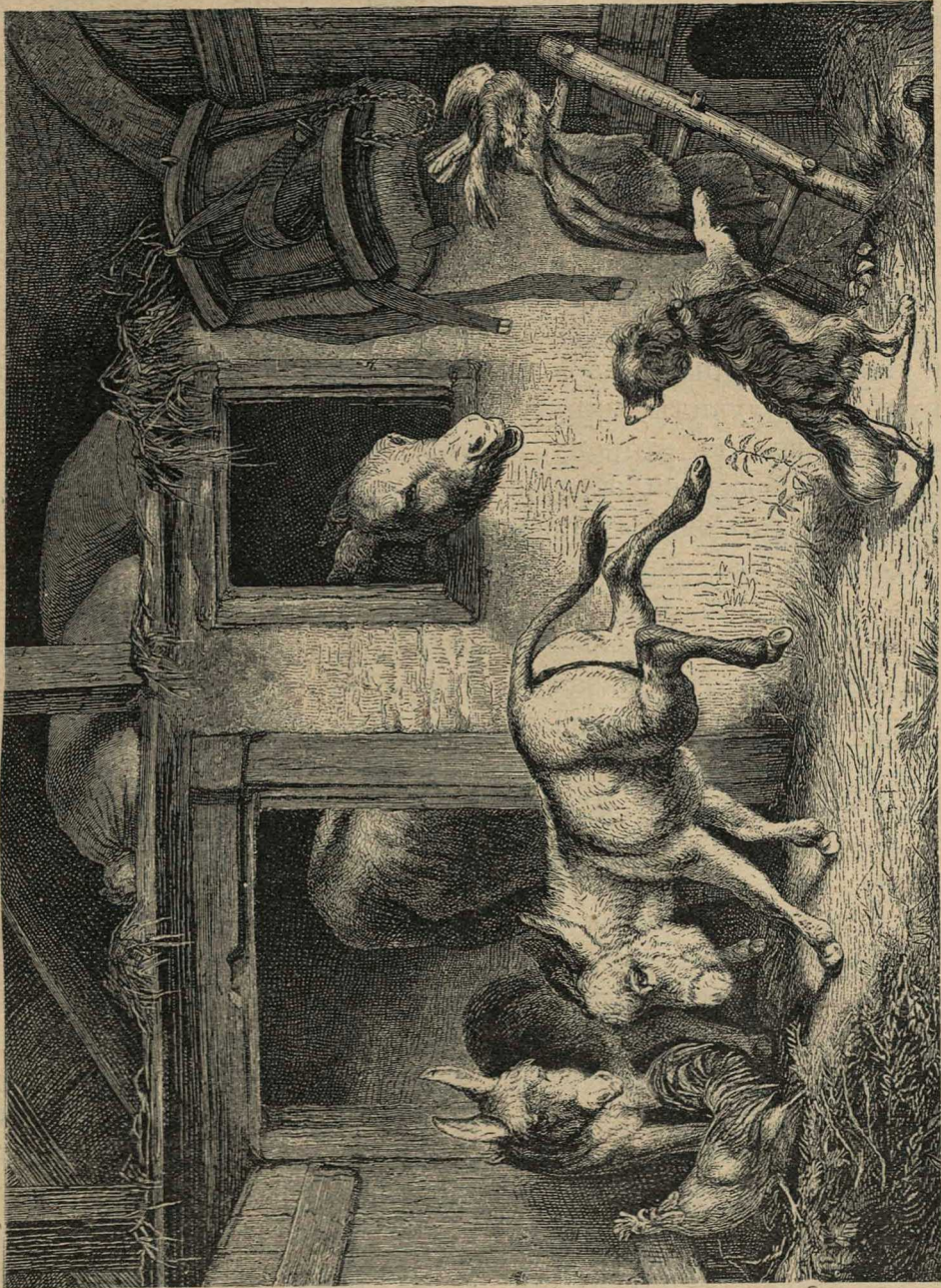
— Уйдемте отсюда, сказалъ дѣдушка.—Здѣсь неблагополучно! Въ этомъ лѣсу уже появился человѣкъ.

И всей семьей мы повернули назадъ.

Я уже много слышалъ о человѣкѣ и объ его умѣ, но ни разу

Птичка прелетѣла!..

— Когда-же ты перестанешь лаять?..

не видалъ его и мнѣ ужасно захотѣлось на него посмотрѣть. „Что это за звѣрь такой, думалъ я,— что ходить только на двухъ ногахъ, имѣть маленькія, нѣжныя, какъ у обезьянъ, руки, а сумѣлъ подчинить себѣ и поработить всѣхъ звѣрей“?

Полчаса спустя, мы были уже въ безопасномъ мѣстѣ. Дѣдушка не спалъ цѣлую ночь, оберегая насъ, и теперь повалился на бокъ и заснулъ. Я уллучилъ минуту, когда мать отошла въ сторону, и со всѣхъ ногъ бросился обратно въ лѣсъ, чтобы хоть однимъ глазкомъ взглянуть на человѣка и повидать, какой онъ изъ себя. Пробѣжать взадъ и впередъ какія-нибудь десять верстъ — казалось мнѣ пустякомъ и я отправился въ путь.

„Пока дѣдушка спитъ, думалъ я, — я еще успѣю вернуться назадъ. Воображаю, какъ онъ удивится, когда я буду рассказывать ему, какъ я побывалъ у людей!“

Вступивъ въ глубину лѣса, я прислушался, понюхалъ воздухъ и со всѣхъ ногъ бросился впередъ, туда, откуда еще слышались звонкіе удары топора о твердые пальмовые стволы. Человѣкъ все еще продолжалъ рубить деревья. Не добѣжавъ до него и полуверсты, я вдругъ почувствовалъ, что земля подо мной поколебалась, трава и хворостъ провалились подъ моими ногами и я всею своею тяжестью

упалъ въ глубокую яму, которую не замѣтилъ на пути. Хитрый человѣкъ вырылъ ее, чтобы поймать въ нее меня, закрылъ ее сверху жердями и травой и я не замѣтилъ ее, наступилъ на траву ногами и провалился внизъ. Теперь я долженъ былъ разстаться со своею семьею навсегда. Я горько плакалъ, стараясь выбраться изъ своей неволи, но это мнѣ не удалось, а къ вечеру явились люди и взяли меня въ плѣнъ. Они связали мнѣ ноги, обмотали вокругъ моего тѣла веревки и вытащили меня за нихъ на верхъ.

— Превосходный слоненокъ! радостно воскликнулъ одинъ изъ людей, потирая руки отъ удовольствія.— Я могу его за хорошую цѣну продать!

Меня повели куда-то далеко и привели въ большое селеніе. Здѣсь меня стали приучать къ разнымъ домашнимъ работамъ и я сразу все понималъ и мною оставались довольны. Я колотъ топоромъ дрова, сбивалъ масло въ графинъ, мѣшалъ ложкой кашу, кипѣвшую на кострѣ. Однимъ словомъ, не было такого дѣла въ семьѣ моего хозяина, котораго я не сумѣлъ-бы исполнить. Я даже стиралъ въ рѣкѣ бѣлье на всю его семью. Ставши у самой воды, я бралъ хоботомъ за кончикъ намыленной заранѣе рубахи и болталъ ею въ водѣ до тѣхъ поръ, пока съ нея не смывалась вся грязь. Я перетаскивалъ

съ мѣста на мѣсто тяжелыя клады и пасъ хозяйскихъ овецъ и коровъ.

— Молодецъ, Джури! похваливалъ меня хозяинъ.—Изъ тебя выростетъ отличный слонъ!

Затѣмъ меня продали къ одному богатому европейцу, который жилъ въ роскошной дачѣ на берегу моря и имѣлъ множество слугъ. Этотъ европеецъ былъ вдовъ и имѣлъ одну только дочь, дѣвочку лѣтъ четырехъ. Это было прелестное дитя съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи, съ голубыми глазами и свѣтлыми, курчавыми волосками, которые волнами падали ей на плечи. Звали ее Фредой. Отецъ обожалъ свою Фреду и берегъ ее, какъ глазъ. У дѣвочки была гувернантка—нѣмка, фрейлейнъ-Лотта, которую выписали изъ Европы. Цѣлые дни фрейлейнъ Лотта и Фреда проводили на воздухѣ, рѣзвились, бѣгали по парку и щебетали, какъ птички. Ихъ веселые, радостные голоса оживляли собою морской берегъ и было приятно смотрѣть, какъ обѣ онѣ, бѣлыя и въ свѣтлыхъ платьяхъ, порхали, какъ бабочки, около цвѣтовъ и не задумывались о завтрашнемъ днѣ. Фрейлейнъ-Лотта и сама была еще молода и не прочь была побѣгать и повеселиться, какъ малое дитя. Когда меня привели въ первый разъ на эту дачу, то къ намъ вышелъ самъ мой новый хозяинъ сэръ-Джерси и, похлопавъ меня ласково по виску, весело сказалъ

— Фреда, фрейлейнъ — Лотта! Вотъ вамъ новая игрушка—этотъ молодой слонъ! Егозовутъ—Джури. Можете имъ располагать, какъ вамъ будетъ угодно!

И я вступилъ въ распоряженіе этихъ двухъ незабвенныхъ для меня существъ. Онѣ обрадовались мнѣ, стали со мной играть, кататься на моей спинѣ и цѣлые дни теперь мы стали проводить втроемъ. Мы играли въ прятки, причемъ почти всегда долженъ былъ искать спрятавшихся я. Когда Фреда играла въ куклы и устраивала для нихъ балъ, то я вертѣлъ шарманку и замѣнялъ собою оркестръ. Когда она выносила въ паркъ плиту и начинала варить на ней для куколъ обѣдъ, то я обязательно былъ тутъ-же и старался ей въ чемъ-нибудь помочь: то я подавалъ ей свалившуюся на песокъ кастрюльку, то я раздувалъ хоботомъ огонь.

— Уйди, Джури! обижалась Фреда.—Ты только сопишь и задуваешь огонь!

Наигравшись, Фреда обыкновенно ложилась на часокъ поспать. Фрейлейнъ Лотта укладывала ее въ коляску и я, какъ самая заботливая нянька, тихонько каталъ ее по парку. Когда-же было жарко и беспокоили мухи, то я срывалъ съ апельсиноваго дерева вѣтку, полную пышныхъ, душистыхъ цвѣтовъ, и обмахивалъ ею Фреду. Это были счастливѣйшія

для меня минуты, которыя ужъ не повторились больше потомъ. Я былъ молодъ, начиналъ любить людей, и сознавалъ, что я былъ для нихъ полезенъ. Часто къ намъ выходилъ самъ сэръ-Джерси, и заставъ меня за какимъ-нибудь дѣломъ около его дочери, ласково похлопывалъ меня по виску и говорилъ:—

— Молодецъ, Джури!.. Ты мой славный, хорошій слонъ!

И мнѣ казалось, что въ тѣ минуты я могъ-бы отдать за него свою жизньъ.

Такъ прошли два года. За это время Фреда подросла, фрейлейнъ-Лотта тоже возмужала, но это не помѣшало намъ еще больше привязаться другъ къ другу. Теперь ужъ мы были, какъ родные, и я понималъ всѣ желанія моихъ любимцевъ съ одного только намека.

Миссъ-Фреда стала уже учиться читать. Когда она садилась въ розовой бесѣдкѣ за книгу и, нахмутивъ личико, начинала съ трудомъ разбирать слова, то мнѣ становилось ее жаль и хотѣлось ей помочь и я просовывалъ къ ней въ бесѣдку хоботъ, хваталъ имъ книжку со стола и, желая избавить Фреду отъ труда, бѣжалъ со всѣхъ ногъ съ книжкой къ морю и бросалъ ее въ воду. Это обижало фрейлейнъ-Лотту, но приводило Фреду въ восторгъ. Когда я попытался сдѣлать такъ и въ третій разъ, то фрейлейнъ-Лотта

отправилась въ домъ и возвратилась оттуда съ цѣпью.

— Если вы, господинъ Джури, обратилась она ко мнѣ, — не желаете оставить насъ въ покоѣ и хотите продолжать намъ мѣшать, то не угодно-ли вамъ сѣсть на цѣпь?

И она отвела меня подальше отъ бесѣдки, къ самой рѣшеткѣ парка, и, привязавъ меня за ногу на цѣпь, ушла обратно заниматься съ Фредой.

Такъ стало повторяться каждый день. Всякій разъ передъ началомъ занятій меня сажали на цѣпь и я оставался на привязи до тѣхъ поръ, пока ко мнѣ не прибѣгала Фреда и не отпускала меня на волю. Иногда она забывала обо мнѣ и я простаивалъ такъ лишніе часъ или два и это заставляло меня скучать.

Однажды я стоялъ такъ у рѣшетки и почувялъ приближеніе какихъ-то двухъ подозрительныхъ людей. Они подошли поближе и я увидѣлъ двухъ индусовъ, грязныхъ и въ лохмотьяхъ, которые подкрадывались и подозрительно оглядывались по сторонамъ.

— Тсс!.. Тише!.. говорилъ одинъ изъ нихъ. — Губернантка зачѣмъ-то ушла въ домъ. Теперь дѣвочка осталась въ бесѣдкѣ одна. Перелѣзай скорѣе черезъ заборъ!

— Но здѣсь стоитъ слонъ! отвѣтилъ другой. — Онъ можетъ намъ помѣшать!

— Ничего! Онъ привязанъ на цѣпь.

Я встревожился и сталъ рваться съ мѣста. Но цѣпь оказалась крѣпкой и я былъ привязанъ къ толстому, вѣковому пню.

Оба индуса перелѣзли черезъ заборъ и ползкомъ направились къ бѣсѣдкѣ. Я почувствовалъ недоброе.

— Спасайся! Бѣги скорѣе въ домъ! хотѣлъ я крикнуть маленькой Фредѣ.

Но я былъ не человѣкъ, я не умѣлъ говорить и все равно меня не понялъ-бы никто.

Вслѣдъ затѣмъ послышались быстрые шаги и я увидалъ, какъ мимо меня пробѣжали обратно оба индуса и одинъ изъ нихъ несъ что-то на рукахъ. Это была Фреда. Они украли ее. Она была безъ чувствъ и не могла кричать. Они перелѣзли съ нею черезъ заборъ и скрылись. Я рванулся имъ вслѣдъ, но цѣпь не пускала меня. Тогда я сталъ биться, метаться на мѣстѣ, храпѣть, но все было напрасно. Возвратилась изъ дома фрейлейнъ-Лота и, не найдя Фреду въ бѣсѣдкѣ, спокойно крикнула ей:— „Фреда! Иди сюда! Гдѣ ты?“ Но, уставши ее ожидать и думая, что дѣвочка играетъ со мной, фрейлейнъ подошла ко мнѣ и такъ-же спокойно спросила у меня:

— Джури, ты не знаешь, куда убѣжала плутовка Фреда?

Я забился, затоптался на мѣстѣ, сталъ храпѣть и указывалъ хоботомъ на заборъ.

— Что, просишься на волю? засмѣялась фрейлейнъ-Лотта.— Не надо быть надоедливымъ и дѣлать глупости! Вотъ и сиди теперь на цѣпи!

Объ исчезновеніи Фреды догадались только часъ спустя, когда было уже поздно и когда ее унесли уже далеко. Обо мнѣ позабыли. Въ ужасѣ такъ и оставили меня одного на цѣпи и я слышалъ издали вопли и стоны, крики отчаянія и проявленіе тяжкаго безысходнаго горя. Вечеромъ по всему парку мелькали огни—это слуги повсюду разыскивали Фреду. У берега моря плавали лодки и вылавливали ее сѣтями изъ воды. Фрейлейнъ-Лотта рвала на себѣ волосы, отчаяніе отца трудно было-бы описать. Были подняты на ноги всѣ власти и обысканы всѣ мѣста, но бѣдная Фреда канула, какъ въ воду. Только я одинъ зналъ, что ее украли, но все равно меня не могъ-бы никто понять.

Недѣлю спустя, стоя у ограды парка, я увидѣлъ тѣхъ двухъ индусовъ. Они возвращались откудато домой. Съ ними повстрѣчался третій.

— Ну, что, какъ дѣла? спросилъ онъ у нихъ на своемъ нарѣчій, которое я, къ счастью, понималъ.

— Отлично! отвѣтили ему два другіе.— Мы продали дѣвчонку на европейскій корабль. Теперь она уже плыветъ въ Европу! Заработали пятьсотъ піастровъ.

Сердце мое затрепетало отъ ра-

дости: значитъ, Фреда еще была жива. Я бросился къ загородкѣ, чтобы схватить хоть одного изъ негодяевъ и привести его къ сэру-Джерси, но она была высока и крѣпка и я только изранилъ свой хоботъ объ ея острые концы.

А затѣмъ потянулись тоскливые дни. Всѣ въ усадьбѣ приуныли. Фрейлейнъ-Лоттѣ отказали отъ мѣста и она скоро уѣхала куда-то въ другой городъ.

— Прощай, Джури! обратилась она ко мнѣ при прощаніи.—Кто знаетъ, увидимся-ли мы съ тобою опять?

А слезы такъ ручьями и текли у нея по щекамъ.

— Бодрись! хотѣлъ я ей сказать.—Фреда жива и плыветъ въ Европу.

Но у меня не вышло ничего, она не поняла меня и мы разстались.

Вслѣдъ за ея отѣздомъ сэръ-Джерси сталъ все распродавать, продалъ домъ, распустилъ всѣхъ слугъ и самъ уѣхалъ куда-то далеко. И тамъ, гдѣ прежде царили счастье и довольство и раздавались веселые голоса моихъ подругъ, водворились теперь уныніе и печаль и вся усадьба погрузилась въ глубокій, молчаливый покой.

Потомъ приѣхалъ новый хозяинъ, который былъ скупъ и не пожелалъ держать въ усадьбѣ лишнихъ слугъ и меня.

— Продайте Джури! приказалъ онъ.—Зачѣмъ я буду его зря кормить! Онъ еще такъ молодъ, что

не можетъ возить тяжестей, и только будетъ напрасно ѣсть кормъ!

Вскорѣ затѣмъ пришли какіе-то люди, которые уплатили ему за меня деньги и увели меня съ собой. Они посадили меня затѣмъ на пароходъ и я долго качался по волнамъ. Отъ непривычнаго пути у меня кружилась голова, я ничего не ѣлъ и думалъ, что скоро умру. Но Богъ спасъ меня и поддержалъ мои силы и когда пароходъ присталъ наконецъ къ берегу, то было холодно, по небу ползли сѣрыя облака и на всей землѣ лежалъ какой-то бѣлый, холодный пухъ, который при мнѣ называли снѣгомъ. Вмѣстѣ со мной ѣхали еще и другіе звѣри въ клѣткахъ, которые такъ-же страдали какъ и я, и жалобно рыкали и визжали.

— Гдѣ мы? спросилъ я у одной обезьянки, забившейся отъ холода въ уголокъ.

— Въ Европѣ... грустно отвѣтила она.—Гдѣ-же еще бываетъ такъ холодно, какъ не тамъ?

Насъ дѣйствительно привезли въ Европу. Скоро явились какіе-то господа, которые купили меня и повели въ звѣринецъ. Цѣлые восемь лѣтъ провѣлъ я въ звѣринцѣ, переѣзжая изъ города въ городъ и представляя собою жалкаго изнуреннаго звѣря, на котораго смотрѣла зѣвавшая отъ праздности толпа. Цѣлые дни съ утра и до вечера любопытная публика приставала ко мнѣ со своими глулыми

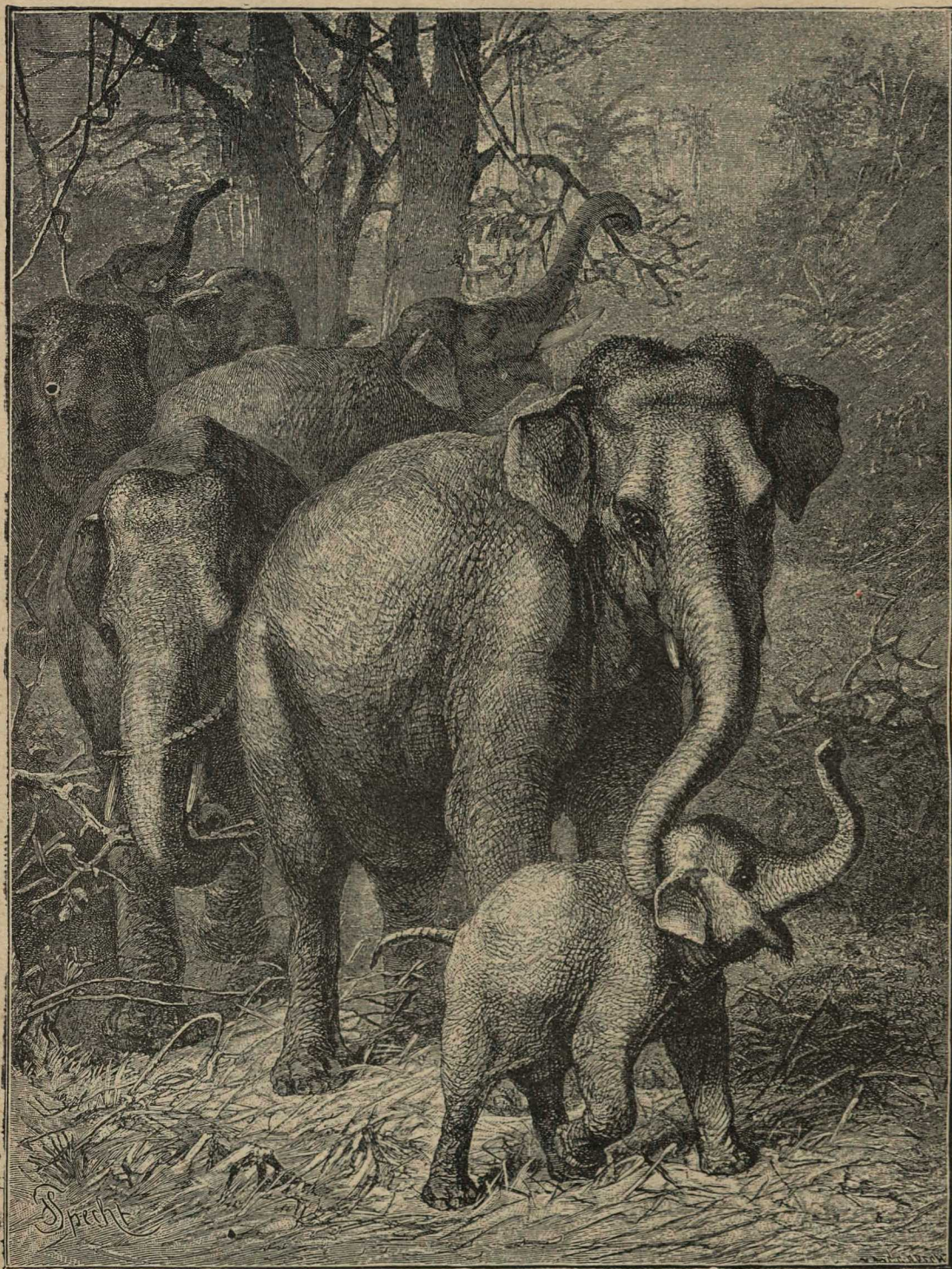
угощеніями и требованіями, чтобы я сдѣлалъ то одно, то другое. Музыка, эти барабаны и трубы въ оркестрѣ, мѣшали мнѣ спать или хотя-бы позабыться на одну минуту, чтобы остаться наединѣ со своими мыслями и помечтать о далекой родинѣ и объ ея теплѣ. Эта ужасная музыка звучала у меня въ ушахъ даже въ глубокія ночи, когда звѣринецъ наконецъ опустѣвалъ и въ немъ гасили огни. Запахъ отъ множества звѣрей, томившихся около меня въ клѣткахъ, удушаль меня. Ревъ львовъ и тигровъ пугаль меня и я никакъ не могъ къ нему привыкнуть. Мнѣ было жаль моихъ бѣдныхъ сосѣдокъ обезьянъ, которыя кашляли и уже не рассчитывали ни на что. А когда наступала ночь, то изъ подъ пола вылѣзали массаами крысы, которыя обглаживали уже обглоданныя звѣрями кости и больно кусали меня за ноги. Это было страданіе, а не жизнь.

И вдругъ счастье! Его маленькій, скромный лучъ блеснулъ наконецъ и для меня. Пришелъ какой-то бритый господинъ въ цилиндрѣ и ласково оглядѣвъ меня со всѣхъ сторонъ, долго разговаривалъ затѣмъ съ содержателемъ звѣринца и наконецъ вынулъ деньги и уплатилъ ихъ за меня. Поздно ночью меня вывели изъ звѣринца и перевели черезъ весь городъ въ циркъ. Съ какою блаженною радостью я взглянулъ наконецъ на звѣздное

небо и полною грудью вдохнулъ въ себя чистый, свѣжій воздухъ! Съ этого дня настала моя лучшая пора. Мой новый хозяинъ оказался клоуномъ цирка. Онъ ласково обращался со мной, хорошо меня кормилъ и для меня было отведено мѣсто въ томъ-же циркѣ недалеко отъ лошадей. Послѣ столькихъ лѣтъ страданія въ звѣринцѣ я чувствовалъ себя здѣсь довольно хорошо и благословлялъ свою судьбу. Каждый вечеръ мой хозяинъ надѣвалъ какой-то дурацкій костюмъ и съ глупой улыбкой выводилъ меня на арену. Мы исполняли съ нимъ разныя штуки, приводившія публику въ восторгъ, и всякій разъ послѣ представленія онъ самъ отводилъ меня въ мой уголокъ и давалъ мнѣ яблоко или апельсинъ.

— Хорошо, Джури! Спасиботекѣ, мой милый товарищъ! говорилъ онъ мнѣ при этомъ и въ такія минуты я уже не видѣлъ на его лицѣ глупой улыбки и его голосъ былъ серьезенъ и въ немъ звучали нѣжность и доброта.

Однажды среди публики я замѣтилъ какую-то даму, которая сидѣла во второмъ ряду. Что-то странное кольнуло меня въ самое сердце, когда я увидѣлъ ее и узналъ. У насъ, слоновъ, отличная память и я узналъ эту даму съ перваго-же взгляда. Это была фрейлейнъ-Лотта, та самая Лотта, которая когда-то бѣгала по парку у меня на далекой родинѣ и

Семья слоновъ.

На высотѣ.

учила Фреду. Теперь она была уже солидной, возмужала, но все та-же дѣтская, чистая душа свѣтилась у нея въ глазахъ. По-видимому, она до сихъ поръ была еще гувернанткой, потому что всегда приводила съ собой двухъ дѣтей: дѣвочку и мальчика. Они смотрѣли на дурачества моего хозяина и заливались звонкимъ смѣхомъ на весь циркъ. Я нарочно держался ближе къ нимъ и хрюкалъ въ сторону Лотты, протягивалъ къ ней хоботъ, но она не узнавала меня, и это мучило меня и мнѣ хотѣлось всякій разъ бросится къ ней и сказать:—Это я! Вглядишься въ меня! Неужели ты меня не узнаешь?

Фрейленъ-Лотта съ дѣтьми посѣщала нашъ циркъ всякій разъ, какъ довали представленье мой хозяинъ и я, я замѣтилъ это и каждый разъ съ трепетомъ ожидалъ своего выхода.

— Сегодня я увижу ее! мечталъ я и заранѣе приготовлялся къ представлению.

Недѣлю спустя, случилось событие, котораго я вовсе не ожидалъ и которое сразу измѣнило всю мою жизнь. Въ нашемъ циркѣ уже давно шли приготовленія къ какому-то замѣчательному представлению, на которое содержатель цирка и вся его труппа возлагали большія надежды и собрами съ котораго рассчитывали поправить свои дѣла. Ожидали

пріѣзда изъ заграницы какой-то знаменитой труппы акробатовъ, среди которыхъ была тринадцатилѣтняя дѣвочка миссъ-Арабелла, поражавшая всѣхъ зрителей своими упражненіями на трапеціи, подвѣшенной высоко надъ ареной, у самаго потолка.

— Вы увидите, какъ работаютъ эти „Воздушные Орлы“, говорили у насъ за кулисами и наши артисты и посѣтители.—Они летаютъ по воздуху прямо, какъ птицы!

Скоро пріѣхали эти „Воздушные Орлы“ и начали свои представленья. На меня и на моего хозяина уже никто не обращалъ вниманія. Нашъ циркъ ломился отъ зрителей и все время до меня доносились аплодисменты и одобрительный ревъ толпы. Содержатель цирка ходилъ взадъ и впередъ и весело потиралъ себѣ руки. Маленькая миссъ-Арабелла положительно творила въ воздухѣ чудеса и всѣ удивлялись той головокружительной работѣ, которую эта юная акробатка исполняла на своей трапеціи подъ самымъ потолкомъ цирка.

Какъ вдругъ я услышалъ тонкій, пронзительный, полный ужаса крикъ. Вслѣдъ за нимъ раздался ревъ толпы, кругомъ забѣгали, засуетились, раздались крики: „Доктора! Доктора!“, музыка перестала играть и вдругъ я увидѣлъ, какъ разступилась наполненная корридоры толпа и какъ сквозь нее

внесли кого-то на носилкахъ и по ставили около меня.

— Здѣсь! Здѣсь! Поставьте ее здѣсь! раздались голоса. — Дайте ей воды! Господа, нѣтъ-ли среди васъ доктора? Господинъ докторъ, выйдите сюда! Миссъ - Арабелла упала и расшиблась! Помогите ей!

Бѣдная дѣвочка! Она упала съ высоты въ подставленную ей внизу сѣтку, но сѣтка не выдержала ея паденія, прорвалась и бѣдняжка упала прямо на землю. Она лежала теперь въ обморокъ на носилкахъ, нуждалась въ помощи, но доктора среди публики не оказалось и пришлось за нимъ послать на домъ. Чтобы не возвращать публикѣ деньги, представленіе начали снова, опять заиграла музыка, опять послышались ревъ и рукоплесканіе толпы и несчастная акробатка въ ожиданіи доктора, такъ и осталась лежать на своихъ носилкахъ одна. Лицо ея было закрыто носовымъ платкомъ и вся ея маленькая, тщедушная фигурка, обтянутая въ розовое трико, обшитое блестками, по временамъ вдрагивала и возбуждала жалость. Теперь около нея не было никого. Этой дѣвочкой интересовались только до тѣхъ поръ, пока она забавляла публику, а теперь она была одинока, брошена всѣми, о ней забыли и никому не было дѣла до того, что гдѣ-то сбоку лежала больная, не приходившая въ себя. Мнѣ стало ее жаль. Я подошелъ къ ней и осторожно

приподнял хоботомъ съ ея лица платокъ.

Боже мой! Что я увидѣлъ? Въ безмѣрной радости, не помня себя отъ восторга, я обнялъ это маленькое тѣльце хоботомъ и радостно захрипѣлъ. Это была она, моя маленькая, ненаглядная Фреда, которую когда-то украли два индуса и продали въ Европу. Я узналъ ее съ перваго-же взгляда. Все время, всѣ эти восемь лѣтъ мое сердце было полно только ею одной, я не забывалъ ее ни на часъ и теперь сбылись мои мечты и я увидѣлъ ее передъ собою.

— Фреда! Фреда, очнись! хрюкалъ я около нея.—Это я, твой Джури, твой слонъ, съ которымъ ты когда-то играла въ паркѣ у своего отца! Открой-же свои глаза!

Она стала приходиться въ себя, но все еще лежала съ закрытыми глазами. Повидимому, она видѣла что-нибудь въ своемъ забытьѣ, потому что обняла меня слабою рукой за хоботъ и чуть слышно произнесла:—

— Мой Джури! Мой милый, ласковый слонъ! Какъ-бы я хотѣла тебя повидать!

— Я здѣсь! хрипѣлъ я, не помня себя отъ радости.—Я стою около тебя!

Она открыла глаза, увидала меня и, какъ ни чувствовала себя тяжело, но въ удивленіи приподнялась на носилкахъ и оглядѣла меня со всѣхъ сторонъ.

— Джури! воскликнула она. — Джури!

Далѣе она не могла говорить, зарыдала и снова повалилась на носилки. Она тоже узнала меня и отказывалась вѣрить своимъ глазамъ. Какъ и тогда, на далекой родинѣ, въ паркѣ ея отца, когда я срывалъ, бывало, съ дерева вѣтку цвѣтущихъ померанцевъ и обмахивалъ ее, такъ и теперь я взялъ лежавшій около нея носовой платокъ и сталъ махать имъ надъ ея головой.

Три минуты спустя, она уже сидѣла у себя на носилкахъ, обнимала меня за хоботъ и рассказывала мнѣ о томъ, что ей пришлось перенести. Бѣдняжка, какъ ей приходилось страдать! Она рассказала мнѣ обо всемъ, что за эти восемь лѣтъ накопилось у нея на душѣ, она выплакала около меня все свое горе, и я стоялъ около нея, плакалъ по своему и боялся, что вотъ-вотъ сейчасъ окончится спектакль и къ намъ придутъ люди и помѣшаютъ нашему свиданію. А издалека слышались звуки трубъ и барабановъ, острили и дурачились клоуны и то и дѣло раздавался взрывъ хохота толпы.

— Теперь ты останешся со мной, говорила мнѣ Фреда. — Мы будемъ жить вмѣстѣ и не разстанемся больше никогда!

Мнѣ и самому безумно хотѣлось, чтобы это было именно такъ, но я съ сомнѣніемъ качалъ голо-

вой. Кто могъ поручиться въ томъ, что меня не увезутъ отсюда куда-нибудь далеко, а бѣдную Фреду не отправятъ въ Парижъ или Берлинъ и не заставятъ тамъ снова выдѣлывать свои головокружительные пируэты на трапеции, подвѣшенной подъ самымъ потолкомъ?

И вдругъ блестящая мысль пришла мнѣ въ голову. Я вспомнилъ о фрейлейнъ-Лоттѣ. Если она была сейчасъ въ циркѣ, думалъ я, то я приведу ее къ Фредѣ и сведу ихъ обѣихъ вмѣстѣ. А тамъ пусть будетъ то, чего пожелаетъ Господь!

И не дожидаясь, когда окончится представленіе, я оставилъ Фреду одну и всей своей грузной фигурой отправился на арену. Меня тамъ никто не ожидалъ. Всѣ подумали, что такъ и должно было быть по программѣ и встрѣтили меня громомъ аплодисментовъ. Только одни бывшіе на аренѣ артисты струсили и стали перешептываться между собою.

— Слонь сорвался съ привязи, говорили они. — Уберите слона!

Но я важно прошелъ черезъ арену и направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ во второмъ ряду сидѣла фрейлейнъ-Лотта. Я не ошибся. Она была въ циркѣ и въ этотъ разъ. Безъ всякихъ разсужденій я протянулъ къ ней свой хоботъ и потащилъ ее къ себѣ. Она испугалась и стала упираться. Тогда я обнялъ ее

хоботомъ за талию и черезъ всю арену пронесъ ее за кулисы туда, гдѣ все еще сидѣла на носилкахъ маленькая тщедушная Фреда и ожидала моего возвращенія.

— Браво, слонъ! загремѣла толпа.— Браво! Бисъ!

Затѣмъ послышались крики, шиканья, ревъ толпы и свистки, публика повскакивала со своихъ мѣстъ и бросилась слѣдомъ за мною. Но я не обращалъ на это никакого вниманія и шелъ своей дорогой. Дойдя до Фреды, я опустил фрейлейнъ Лотту на землю и тихонько толкнулъ ее къ акробаткѣ. Глаза ихъ встрѣтились и онѣ съ мгновеніе смотрѣли одна на другую и не могли произнести отъ удивленія ни слова.

— Фреда! Моя милая, дорогая Фреда! вдругъ воскликнула фрейлейнъ-Лотта.

— Фрейленъ! Моя милая, Лотта! въ свою очередь воскликнула Фреда.

И обѣ онѣ бросились въ объятія другъ къ другѣ и такъ и замерли на нѣсколько мгновеній. Затѣмъ онѣ стали обѣ плакать. Наплакавшись досыта, онѣ стали отъ радости смѣяться. Насъ окружала публика, которая смотрѣла на насъ недоумѣвавшими глазами, пришелъ затѣмъ докторъ, въ которомъ теперь уже не было нужды, а потомъ, когда всѣ разошлись и когда во всемъ циркѣ были потушены огни, мы еще долго остава-

лись втроемъ и вспоминали бывшее. Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось тогда, чтобы и я тоже былъ человѣкомъ, чтобы и я тоже имѣлъ языкъ, этотъ даръ Божій, въ которомъ было отказано всѣмъ живымъ существамъ въ мірѣ и которымъ обладалъ только человѣкъ. Съ какимъ-бы наслажденіемъ я рассказалъ тогда Фредѣ и Лоттѣ о томъ, что страдалъ и я, и съ какою готовностью сталъ-бы утѣшать бѣдную, одинокую, маленькую акробатку!

Нужно-ли описывать, что было потомъ? Прямо изъ цирка Фреда уѣхала къ фрейлейнъ-Лоттѣ и я остался одинъ. Это была для меня мучительная ночь. Я не могъ ни на минуту забыться сномъ и все время думалъ о нихъ и о себѣ, вспомнятъ-ли онѣ обо мнѣ? Возьмутъ-ли меня отсюда? неужели онѣ уѣдутъ однѣ и оставятъ въ этомъ городѣ меня одного?

Но прошелъ мѣсяцъ и я увидѣлъ около себя моего прежняго господина сэра Джерси. Съ нимъ вмѣстѣ пришли Фреда и Лотта. Теперь Фреда была уже въ шляпѣ и въ пальто и показалась мнѣ выросшей и похорошѣвшей. Оказалось, что Лотта знала адресъ сэра Джерси, телеграфировала ему и онъ пріѣхалъ за нею и за Лоттой, чтобы взять ихъ обѣихъ къ себѣ.

„Ну, а меня?“—думалъ я.—„Неужели ты оставишь меня здѣсь одного?“

Но сэръ Джерси ласково похлопалъ меня по виску и сказалъ:

— Джури, ты преданный, благородный слонъ! Развѣ я могу разстаться съ тобой? Я выкуплю тебя, сколько-бы денегъ ни потребовали за тебя, и тоже увезу тебя съ собой!

И вотъ я снова въ Индіи. Надо мною—голубое небо, свѣтитъ лас-

ковое, южное солнце, кричатъ въ вѣтвяхъ попугаи и шелестятъ листьями высокія пальмы. По парку гуляютъ сэръ Джерси, Фреда и Лотта и вспоминаютъ о быломъ. Я бреду слѣдомъ за ними и, какъ собачка, не отстаю отъ нихъ ни на шагъ.

Я могъ-бы за нихъ умереть.

С. Вершининъ.

ТРИ ПАРЫ И ОДИНЪ.

Имѣешь ротъ ты и два уха,
Чего еще тебѣ желать?
Тебѣ доступно все для слуха,
Чего нельзя и рассказать.

—

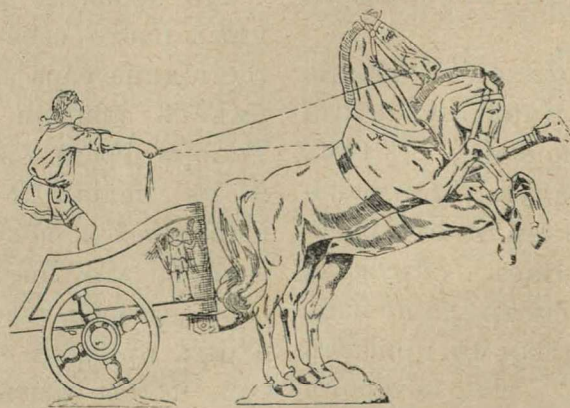
Имѣешь ротъ ты и два глаза,
Чего еще тебѣ желать?

Ты можешь столько видѣть сразу,
Что послѣ въ годъ не рассказать.

—

Имѣешь двѣ руки и ротъ ты,
Чего еще тебѣ желать?
Руки двѣ даны для работы,
А ротъ—работу поѣдать.

Л.

Модель приложенія къ этому номеру.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Нота и игра—даютъ названіе плотничьяго инструмента, нота и бусы—то, что мы разгадываемъ въ журналахъ, нота и часть тѣла—узкую, длинную рыбу, нота и нота—огородный стручковый овощъ, нота и часть полка—одинокатаго человѣка.

Какія это слова?

II.

Шель охотникъ и несъ съ собою зонтикъ. Ружья съ нимъ не было. Вдругъ выскочилъ заяцъ. Охотникъ прицѣлился на него изъ зонтика, но зонтикъ не выстрѣлилъ. Почему зонтикъ не выстрѣлилъ?

III.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Плотничій инструментъ.
- 2) Домашнее животное.
- 3) То, безъ чего нельзя писать.

Взять отъ перваго слова первый слогъ, отъ втораго—второй и отъ третьяго—третій и составить изъ этихъ слоговъ новое слово, которое означаетъ то, безъ чего невозможно ѣздить ни на колесахъ, ни на саняхъ. При этомъ: первый слогъ этого новаго слова означаетъ ноту, а два вторые—то, что есть у втораго задуманнаго здѣсь слова.

Какое это слово?

Очень рекомендується!

новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Оомка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство».

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 3, помѣщенныя въ № 3 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: 1) пастила, кошка, стулъ, листь, кушакъ, потолокъ, клопъ, тулупъ, котлета, куликъ, шкатулка, салатъ, лопата, школа, палатка, стекло. Задуманныя слова—Пушка и пистолетъ. II) *Шуточные вопросы:* 1) Въ книгѣ. 2) За стѣнами хлѣбовъ. 3) Изъ оконъ.

Р.бусъ № 3. На сту пила+дождь+л+ива+я+по+года+и ба+бочки+око+л+ели=Наступила дождливая погода и бабочки околѣли.

Вѣрные рѣшенія до выхода въ свѣтъ № 5 «Золотого Дѣтства» прислали: Рая Тертышникова, Вѣра Кордобовская изъ СПб., Зоя Свѣтъ, Нюра Молчанова изъ Гостилицъ, Федя Бореуковъ изъ Кивечи, Ниночка и Вадя Хенкинъ изъ Ростова-на-Дону, Ватя Даниловъ изъ Вильны, Ната, Петя и Володя Петровскіе изъ Самарканда, Вѣра и Валикъ Ванюковы, Игорь Максимовъ, Наташа Пескова, М. Брамсонъ, Муся и Володя Визи, Шура, Петя и Кока Глубоковскіе и Коля Гордѣевскій въ СПб., Маргитъ и Ингеборгъ Галль, Боря Буруновскій, Гулинька Андреева изъ Хол-

ма, Валя Ведерниковъ изъ Твери, Петя и Тая Янсонъ изъ Ржева, Нина Семенова со ст. Ашево, Ираида и Люба Левицкія, Розалія Эрлихъ, Татіана Плещинская, А. П. Миткевичъ, Нюся Кулешова изъ Каменской, Галина Кацинская изъ Ананьева, Коля Клаучъ, Юра и Нина Делекторскіе изъ Богородицка, Ниночка Троицкая въ СПб., Таличка Крючкова въ СПб., Володя Бондоровскій, Жоржикъ Макарьевичъ, Георгій Добриловскій, Боря Оливицкій изъ Москвы, Оля Коховская изъ Брянска, Петя Кравченко изъ Брянска, Андруша Федотовъ—донской казачекъ и его тетя—Тая Волкова, Оеиуша Эпштейнъ изъ Боромли, Ларса Чумакова, Станиславъ Маркевичъ, Юра и Рая Самойловичъ, Нада Мухо изъ Ровно, Сережа Полторацкій въ СПб., Мады Розенблитъ изъ Тифлиса, Шура Остапова изъ Харькова, Лидочка Воронежская, Галя Пантелѣва, Лена и Зина Кополлевы, Ниночка и Колюша Овчинниковы, Галя Урусова изъ Егорьевска, Коля, Ваня и Катя Бѣльченко и Валя Тарасовъ, Толя Охотникъ, Витя Мневъ, Христа Статсъ, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Володя Аггеевъ, Шура и Володя

Ребусъ № 5.

(Фамиліи подписчиковъ вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Фоминъ изъ Щигровъ, Гургень и Минасъ Лачиновы изъ Елисаветполя, Тани Попелишева, Шура Живченко, Марочка и Леночка Херасковы, Вова Гарбузовъ изъ Лодзи, Леля Табунщикова, Эся, Витя и Катя Номакштейнскіе изъ Харькова, Лида Пузырева изъ Енотаевска, Вари Иляхинская изъ Зарайска, Сережа и Володя Давыдовы изъ Ростова на Дону, Фенечка Давыдова, Ира и Галя Кузьменко изъ Зенькова,

Зина, Оля, Саша, Коля, Маруся и Женя Шаповаловы, Оська и Додька Ватштейнъ, Нина Славина изъ Саратова, Левъ — царь звѣрей, Нюся Шерстинская изъ Чернухъ, Сережа и Юра Думаревскіе изъ Нижняго-Новгорода, Сюля Брукъ и Шура Берестецкій изъ Харькова, Шурочка Успенская, Вальдемаръ Вельце, Тани Грекъ изъ Шацка, Шура Синицына, Валечка и Шура Синицыны изъ Гомеля, Олегъ Кашкаровъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всеми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз. безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ — по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ. Можно выписывать открытымъ письмомъ изъ редакціи „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

Годъ 6-й.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ
для дѣтвей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

← Подписной годъ съ 1-го Ноября. →

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
- 12 ВЫРѢЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

„АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„АЛИСА въ волшебной странѣ“

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлалки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.